

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Г. П. Б
192

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

Под редакцией
Л. Г. ДЕЙЧА

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ
Л. И. АКСЕЛЬРОД, Р. М. БОГРАД-ПЛЕХАНОВОЙ,
С. Я. ВОЛЬФСОНА, Э. М. ЗИНОВЬЕВОЙ-ДЕЙЧ
И И. Н. КУВИКОВА

СБОРНИК № 5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1926 * ЛЕНИНГРАД

ПИСЬМА К Г. В. ПЛЕХАНОВУ.

(Продолжение) ¹⁾.

27.

Лондон, 1895 г.

Милый Жорж! Я все сижу у Фаннички, и это письмо пишу (не получивши еще вашего «субботнего»), главным образом, по ее делу. Главное, что ее поддерживало все это время в живых, это — ненависть к «фонду», отравлявшему все существование Сергея, — к Волховскому в особенности, и желание не дать им воспользоваться его рукописями, его популярностью и проч., что без нее было бы невозможно. Они теперь хотели издавать роман Серг[ея], о котором я писала летом (по-русски). Нам пришло в голову, что она может *издать его сама*, что собрать при таком условии можно даже больше. Печатать она хочет у нас, как думал и Сергей, только не имел денег. Вы все, конечно, согласитесь, как и тогда были согласны. Но дело в том, что надо помочь и в сборах. Рефераты о Сергее вы верно уже прочли, а если еще нет, то можно сбор с реферата назначить на издание его романа. Можно, конечно, и без рефератов устроить сбор среди студентов. Это издание единственное спасение для Фанни, и роман милый и вообще нужно это сделать. Начать надо бы как можно скорей. Часть денег, франков 600, будет верных, помимо всяких сборов со студенчества. Ответ[ить] надо как можно скорее: сколько будет стоить лист, сколько листов в месяц можно выпускать нашим обыкновенным шрифтом (10-й номер, кажется) в формате «Подпольной России» на русском языке? Для успокоения Фанни, для выражения нашего сочувствия,

¹⁾ См. Сборник № 4.

даже цена должна быть как можно дешевле. Бумага и печатание — величины неподвижные, дешевизна зависит от Блюменфельда, поэтому я прилагаю записку и к нему, — у меня здесь на этой квартире нет его адреса, так что вы перешлите по городской почте, а уехать нельзя и на несколько часов. У меня тоже нет адреса Раковского, а хотелось бы попросить его устроить подписку и среди Болгар. Напишите Раковскому сами или пришлите мне его адрес. Сейчас ничего больше не пишется, — это у нас сегодня созрела эта спасительная идея. Я написала для «Нейе Цейт» о Сергее. Мне кажется, хорошо написала, и Бернштейн расхвалил, пишет, читал с удовольствием, но сомневается, будет ли напечатано, так как вы уже написали. Дней через 5—6 я, должно быть, освобожусь: Фанни переедет к Наде [?]. Ответьте, Жоржик, так, чтобы я могла показать письмо Фанни. Вера.

28.

(Лондон, нач. 1896 г.)

Милый Жорж, во-первых, как ваше здоровье? Оно меня очень тревожит, а вы теперь молчите. *Хоть бы карты* посылали!

А, во-вторых, я взываю к вашему великодушию по отношению к Сергею ¹⁾. Сотни бездарнейших статей были уже о нем написаны, неделю целую ежедневно вся английская пресса была ими переполнена. Затем «Листок»! И ни одного не было сказано живого, его рисующего, слова о нем! А ничто на свете так не отталкивало его, как бездарность. Не присоединяйте нашего Сборника к этому морю бездарности, изливаемому на него. Сделайте вот что: к простому извещению о его смерти с прибавлением, что мы о нем еще расскажем — пожалуй, с 1—2 словами Бернса — «друг всех угнетенных», что ли — перепечатайте в Сборнике его посмертную статейку о биографии Дрожжина. Всего 4 стр[анички] и, право, хорошие вдумчивые странички. Он их приготовил к будущему № «Листка» ²⁾, который мечтал уже издавать

¹⁾ С. М. Кравчинский (Степняк) незадолго пред тем был раздавлен поездом.

²⁾ Редактированный Степняком «Листок Вольн. Русс. Прессь».

не с Волховским, а вместе с нами, — мы имеем полное право их перепечатать.

Моя статья почти совсем готова, — кончить ее вчера мне помешала Фанничка ¹⁾, которая ко мне пришла. Она подняла открытую войну с «Фондом»: послала заявление, что они напали в «Листке» о Сергее ([он] не говорил: «выступать и выступать!»). После свидания с ней мне особенно больно присоединиться к хору бездарностей (и статья моя бездарна и при этих условиях не может быть иной) о Сергее. Ее терзает это общее фразерство, хотя и хвалебное, о нем, и я вижу, что ее надежды сосредоточиваются на нашей группе, на мне особенно, и Сергей, мол, говорил, что у меня есть талант, и я давно его знала, и были мы с ним друзья и проч. Мечтает, что мы когда-то напишем что-то такое, что будет не фразами, а живым изображением его личности. Это, может, напрасные мечты, но мне все же кажется злым делом сразу убить их бездарной статьей. А «Фонд» как обрадуется! Фанничка, некоторым образом, заставила меня сказать Волховскому, что статьи «Листка» бездарны, пахнут рекламой (на первой странице), сослалась на меня.

У меня-то, дорогой Жорж, уж, конечно, нет ни малейшей склонности злиться за несогласие с моим убеждением. Мне показалось по вашему последнему письму, что вы в бешенстве за мое отстаивание своего убеждения. Очень это мне было больно, но чувствовала себя обязанной стоять на своем потому именно, что это «дело огромной важности». Я очень обрадовалась, что вы не сердитесь, что разногласия не влияют на ваше личное отношение ко мне, на мое-то уж, конечно, они повлиять не могут. Я приняла ваше последнее письмо, действительно, за запрещение как приезжать, так и писать. Сейчас посылаю вам это более деловое письмо, а как только поуспокоюсь (меня даже и хорошее деловое письмо очень волнует), напишу, воображая вас таким, как[им] вы были в Италии, личное, хоть фактически, пожалуй, и не о чем, я только и думала все это время что о делах. Прилагаю записку Павла (который невзначай зашел ко мне) с подстрочным переводом.

¹⁾ Фанни Марковна — вдова Кравчинского.

Насчет здоровья — сердцебиения бывают самые несносные, а кроме этого, ничего, здорова.

Напишите сейчас же, меня мучает и ваше здоровье и страх, что статья будет напечатана.

На случай, если потеряли «Листок», прилагаю статью о Дрожжине.

29.

Лондон [1896 г.]

Дорогой Жорж! Сейчас получила письмо и хлорал. Поблагодарите за меня, пожалуйста, Розалию Марковну. Хватит мне больше чем на 20 дней, — я два дня под ряд принимать не стану. Я послала вам вчера (или третьего дня) статью Элеоноры в самый момент получения и не читавши даже, вы, вероятно, на чем свет стоит, ругаете, что не перевела ее. И, об'ективно говоря, это, конечно, свинство. А суб'ективно я побоялась, что затяну и перевод, и статью, и все на свете. Дело в том, что мне очень нездоровится, — кашель сильнейший, постоянная лихорадка, но статья возбуждает (и мучит) меня, и я продолжаю с нею возиться. А вот вынуждена я б[ыла] дня три тому назад пойти к Фанничке, так там без кнута (статьи) такая слабость напала, что я все время пролежала, едва отвечала на вопросы. Никто уж даже не говорил: «ах, как поправилась», а говорил: «ах, какие у вас большие глаза!». Я и побоялась, что если возьмусь за перевод, который тоже не может возбуждать, то тоже нападёт неодолимое одоление. Но вам-то от моих рассуждений не легче и, вероятно, своих бед довольно. Так что признаю себя виновной. Какая мне мука с началом статьи! Раз 5 переделываю и все гадость! Это не значит, что у меня только и есть что 5 гадких начал. Почти все есть, — это я переписывать свои ключья в целое начала и сегодня весь день протерзалась с началом. Боюсь, что вам статья не понравится, хоть она и очень злая, но на свой манер. Мне и самой нравятся только некоторые местечки, но архитектура цельности в ней как-то не выходит. Можно без архитектуры, а ля Михайлов[ский]. Я уж не буду стремиться к совершенству. Сделаю, что выйдет, и отошлю на ваше усмотрение с правом выбросить.

Ваша Вера.

30.

(Лондон, 1896 г.)

Дорогой Жорж! Я не ответила на ваше письмо, потому что под кнутом требований прислать статейку я принялась энергично. Кончу скоро, но я еще совсем больна и от работы, хотя она и идет, физически очень мучаюсь. Но теперь мне надо у вас спросить: мне поручают «на основании» каких-то «присланных мне писем» получить и прислать деньги для стачечников. А я никаких таких писем не получила. Спрашивают тоже, получила ли я книги Исаева и Гурвича? Я те тоже не получила. Не знаете ли вы чего-нибудь об этом? Не зашли ли как-нибудь эти вещи к вам? Странная у меня теперь голова, — кружится беспрестанно, а два раза за эти дни был форменный обморок, но все-таки, когда ее подстегнули, думает, не останавливаясь; спать я совсем перестала, и кажется, на мой вкус, даже не дурно, а кружится. Дня через три наверно кончу, — уж начерно кончила, а это немного всего.

31.

(Лондон, 1896 г.)

William'ов, Thomson'ов и Thompson'ов целые стада, но как нарочно все они физики, теологи и проч. Не убеждена, то ли я вам представлю сочинение, о котором врет Черкезов (ни самодельшего отношения ни к чему из того, что открыл Маркс, оно не имеет), я его бросала, опять брала, но более подходящего нет.

О стоимости, ренте и проч. (ни о чем из того, что вы спрашиваете) в нем нет речи. Понять его начало, не прочтя сперва конца, невозможно (совсем-то понять и совсем невозможно!). Поэтому выписки я начну вам делать не с начала, а из конца, а потом перейду к началу. Ни о чем, кроме утопических «Естественных» денег, в нем, несмотря на пышное заглавие, нет речи. Тон зазнавшегося самоучки. Простите, что замедлила. Я, было, взбунтовалась. Вот, мол, еще возиться для опровержения такой кошки (когда имеет же Жорж львов и тигров для упражнений), как Черкезов. Потом раскаялась, вообразив вас. Вот уж втянулся человек в битву с кошкой, хочется кончить.

А это буржуазнейшая из негодных утопий.

Либкнехт вам кланяется. Ганелин¹⁾ прислал мне 50 долл. и пишет, что хочет вам побольше прислать в июле, если сам к тому времени не приедет. Тогда у него будет 1.800 долл. Но, говорит он, «кредит у меня огромный, напишите, если Георг. Вал. раньше надо, я и раньше могу прислать». Написать, что надо — или нет? Восхищается Бельтовым.

32.

Лондон [1896 г.]

Дорогой Жорж! Что же это с вами опять? Если это чисто физическое недомогание, так зачем же вы с Ривьеры уехали? Там бы вы лучше поправились. Неужели из-за денег? Я, впрочем, совсем беспредметной тоски себе представить не могу. Хотя бы она имела чисто физические причины, она себе в сознании какой-нибудь идейный костюм приискивает. Но мы с вами так давно не говорили, что я не имею ни самонаименованного понятия о вашем душевном состоянии. Не имею малейшего представления, чего, кроме здоровья, вам нехватает? Нет в голове ни одной захватывающей темы? Так наверно не нынче-завтра попадетсЯ. Вы ведь совсем настоящий писатель. Не то, что я. Очень бы рада я была чем-нибудь заинтересовать вас, но к несчастью я сама все это время переживаю такой внутренний кризис, который отнимает у меня живой интерес от всех вопросов, кроме одного: как мне с собой распорядиться? Впрочем, русской литературы я и не видала. Пут[ман]²⁾ никаких книг мне не присылал. Я на него не в претензии. Постоянное

¹⁾ Русский эмигрант, соц.-демократ; окончив один из германских политехникумов, проявил огромные дарования в качестве химика. Какое-то его значительное открытие в этой области сулило ему колоссальное состояние, большую часть которого он заранее определил русск. соц.-демокр. движению, главным образом через В. И. Засулич и Г. В. Плеханова, с которыми был очень дружен. Дело с его изобретением по каким-то причинам все не удавалось; все же время от времени он в счет него получал от каких-то компаний порядочные суммы, часть которых, действительно, вносил нам. Так, в период пребывания «Искры» сперва в Мюнхене, затем в Лондоне в 1901—1903 г.г. я, в качестве заведывавшего финансами, неоднократно получал от Ганелина из Нью-Йорка по несколько сот долларов. Л. Д.

²⁾ А. Н. Потресов.

явление нельзя объяснять переменными причинами. Причина неприсылания, очевидно, во мне, а не в нем. Интересуюсь я, правда, Питером, но с отъездом Сим.¹⁾ и о нем больше не слышу. До некоторой степени интересуется меня фэбианство (ему предался Бернш[тейн] и немножко пленился Сим.) (как политическая теория). Но пока я с ним знакома слишком вкратце и ненавижу его более или менее голословно. Почитаю о нем, как только буду иметь на то право. Теперь не имею ни на что права, так как до сих пор не написала хвоста к Руссо. Сам он [слово не разобрано], но народники на его могиле так-таки и не высечены, и буду я сидеть и грызть перо, пока, наконец, не окажется, что эту проклятую книгу уж выбросили или напечатали без хвоста. Текст я перепечатывала, но одними руками без участия головы, и, вероятно, только обесцветила. Почему мне понадобилось вдруг с собой распорядиться? Да вот, с одной стороны, неудача с этой книгой, с которой я столько возилась (вам-то одному я бы не поверила: мне всегда казалось, что вы слишком строги к моей литературе, но единогласие с вами двух других умных людей меня убедило), доказало мне мою непригодность, по крайней мере, к таким работам (длинным и не о ближайших злобах дня). С другой, явившееся ощущение, что я «одичала», что полное отсутствие человеческого общества плохо отозвалось на моем психическом состоянии, все это говорит, что мне здесь нечего делать, не имеет смысла тут оставаться. Значит, в Цюрих. А что ждет меня в Швейцарии, это я уже знаю по чуть не ежедневным письмам, которые перед болезнью получала от Павла, Гинзб[урга], Блюм[енфельда]. Бесконечные распри и дразги были всегда и по моему невоинственному, не пристрастному («предательскому») характеру мне мучительны, но прежде я хоть большое значение придавала здешней издательской деятельности. Теперешней не придаю никакого. Для Питера она не имеет интереса, и Вильно²⁾ меня не интересуется. И Павел тяготеет своей деятельностью, но для него это лишь неприятная служба, с которой он воз-

¹⁾ Симон, псевдоним Струве.

²⁾ Этим словом В. И., кажется, обозначала движение среди евреев.

вращается к приятной личной жизни, а мне некуда возвращаться. Словом, выбор между двумя беспросветными перспективами так тяжел, безнадежен, что я сильно обрадовалась болезни. Отличалась она от обыкновенных форменными обмороками (раз на почте сделался). Затем доктор сказал, что это катарр легких, тянущийся несколько лет, и что при неосторожности может он принять опасное течение. Все перспективы потеряли для меня свой безнадежный характер: «ну, не долго». Но теперь слабость прошла, и опять я не верю своему другу-катарру. Уж давно, видно, тянется, а осторожна я никогда не была. Опять пойдет черепашьям шагом. Я-то придумала себе хороший выход, но он не от меня зависит, еще не знаю, можно ли надеяться. Эвелинги, это—одно из моих маленьких мучений. Представьте себе, что он еще в августе получил мои 3 фунта из «Д[айли] Х[рон.]», а в октябре имел нахальство у меня спрашивать заплатила ли мне редакция. Мендельс[он], во время болезни, убедил меня, что здесь в редакции ждут счета от писателя и тогда только платят. Я едуру послала и получила в ответ копию с факсимилэ даже расписки Эвелинга, получившего за статью В. З. три фунта три шиллинга. Я этого никому не говорю, и денег мне ничуть не жалко, я бы ему еще 6 фун. подарила, лишь бы этого не было. Но они тут сборы затеяли в пользу русских заключенных под моим именем, некоторым образом (деньги, мол, они будут получать). Если уж они при своем-то богатстве, при моей сравнительной-то бедности, при необходимости мне время от времени в глаза смотреть стащили у меня три фун., у заключенных-то еще легче таскать. Имею ли я право прикрывать своим именем это воровство? А уличать,—какая мука! Я на одно надеюсь, что им никто ничего не даст. Объявили они сбор еще до моей болезни, а пока ничего не слышно. И вы, конечно, никому не рассказывайте. Я вам пишу в предупреждение каких-нибудь недоразумений с этими сборами и попросить совета. И что это с ними такое? Маня, что ли? Ведь несколько тысяч фун. у них в банке лежат? Ну, вот огромное, но вовсе не занимательное письмо. Что мне делать? Ничего хорошего нет у меня.

Ваша Вера.

33.

Лондон, 1896 г.

Сейчас послала, милый Жорж, еще кусок проклятой статьи. Но не подумайте, бога ради, что это значит, что я мирюсь с ее печатанием. Я посылаю только из «непротивления злу насиліем». А напечатать надо не ее, а о Дрожж[ине], с посланным мною вчера вступлением, которое написано очень хорошо. Ей-богу! Коли вы пробежали проклятую биографию, вы видите, что я не плутую, пишу старательно. При других обстоятельствах она была бы «ничего себе», а при тех, что у меня здесь сложились, вы меня напечатанием чисто зарежете. Ваша Вера.

Дорогой Павел! Жорж написал, что очень болен, и с тех пор я не имела от него ни слова. Не знаю даже, где он. Напишите пожалуйста сейчас же, что знаете о его здоровье. Ваша Вера. Очень я беспокоюсь.

34.

Лондон, 1896 г.

Пятница 20-го [апреля (?)].

Дорогой Жорж, вчера я чувствовала себя несчастнее мыши, когда ее ест кошка, и вдобавок к боли еще сознание, что за неделю я написала всего стран[иц] 5 и таким ужасным слогом, что волосы становились дыбом. Имела я глупость в таком состоянии вам отвечать, и оно отразилось на письме. Но сегодня, — не сглазить бы, — голова не болит и слабость меньше, кажется оттого, что я себе переменяла лекарство: хинин вместо антипирина, к которому голова привыкла и перестала проходить, а желудок расстраивается от него. Как бы то ни было, но сегодня, вот уж часа 2, пишу приличным слогом и только неприятно вспоминать о вчерашнем письме. Спешу, поэтому, его похерить, отречься от его отчаянного тона. — Пишу сейчас о Гольбахе. Мне очень хочется совсем кончить до вашего приезда один отдел. Это те взгляды (или вернее те стороны взгляда) *morales et politiques* современников Руссо (Вольтер, физиократы, *les Holbaétiens*, Мабли, Морелли), «обаяние» которых («*charmes*», по его выражению) он поставил своей задачей разрушить.

Добровольно, не по болезни, я не теряла времени. Ничего не «забрасывала». Его я начитала и навывписывала для этого отдела — на огромную книгу хватило бы, и даже легче бы книгу написать, чем сжать это в главу, и чтобы вышло рельефно, как я стараюсь. Огромную роль тут играют «законы природы», и чуть не месяц рыться в музее и посвятить на исследование — откуда они взялись. Если кончу, то этот отдел я, кажется, осмелюсь вам прочесть.

Ваша В.

Первое письмо после марта я послала в прошлую пятницу, вчера второе.

35.

(Лондон, 1896 г.)

Дорогой Жорж!

Слушаюсь, наконец, и принимаюсь за статью «листа в 2». Ах, кабы вы знали только, как я ужасно работала все последнее время, как близок Руссо к концу (это ведь целая книга), и как я ужасно устала. То-есть это «устала» чувствую сквозь нервное напряжение, при котором пишется как будто даже лучше, чем когда не устала. Только уж нельзя остановиться, хоть часа на 3: раскинешь и дальше не пойдет.

Я поклялась было не останавливаться больше, пока не кончу Руссо. Теперь значит: пока не кончу неначатой еще статьи «листа в 2» и Руссо.

«Русс. Бог.» у меня давно отняли, — я сделала маленькую выписку на всякий случай, но очень небрежно и мало. Кабы прислали.

А вы писали, что у вас есть весь Михайловский. Кабы вы прислали ту книжку, где о «Суб. лит.». Я не с ним думаю разговаривать, но все-таки необходимо прочесть.

Сборник присылайте. Спешить буду страшно, мне теперь субъективно нельзя не мешать. Коли остановлюсь, с места не сдвинусь, а вы будете мучить.

Каждый вечер, как прислушаешься, лихорадка и температура, а ничего путем не болит или болит во всех местах, на которые обратишь внимание. Не требуйте только от меня столько злости, сколько у вас. Ну где же я столько возьму? А если притворяться, выйдет совсем не «к часу», как го-

ворил бедняга Сергей. А насчет «лисы, также не читавшей Гёгеля, как В. В.», вы плохо притворяетесь. Кабы я ваялась, то гораздо бы лучше притворилась.

Ну, прощайте.

Ваша Вера.

К тому времени, когда я кончу «статью листа в 2», извольте прислать мне свою «Гельв., Гольбах и Маркс»: Берншт[ейн] говорил мне, что она вышла. Элеонора статью обещала. А писала я вам, что ее из «Р. Б.» давно выгнали за незанимательность?

36.

(Лондон, апрель 1896 г.)

Кто «душка» и «милка», так это не Кривенко, а вы, Жоржик. Ну, а Павла — того и надуть не стоит: поверит и не обратит внимания! Но меня теперь страх берет: вдруг вы написали! Я вспомнила, что, хорошо надувши, вас еще надо два часа уверять, что враки. Лизе-то еще не велика беда, но Лаврову?! И ведь я подобрала все как можно понелепее, хотя, конечно, в духе действующих лиц. Я и сверху написала мелкими буквами «1 апр[еля]». Я рассчитывала, что к вам от Павла оно дойдет как раз к 1-му числу. Но он поспешил. А я настаивала так, чтобы послать письмо скоро, потому что думала — он-то поверит, а коли покажет письмо Кальм[ансону] с Надей, те, подумавши, сообразят, что это комедия. Мне уж потом и совестно стало, вот, мол, расфорсилась на старости лет! Оправдывала себя только тем, что мне ведь тут не с кем хоть так просто болтать, как с болгарами или Рябовой, со всеми надо быть в политике, ну и... Но теперь я не каюсь. Очевидно, вранье мое доставило вам удовольствие и даже прибавило сил после болезни. А Смит мне и на глаза не показывался. Встретила его раз в музее, а потом пропал, чем я впрочем нимало не огорчена. А с Руссо уже опоздала, как видите из вчерашнего письма. Не думайте, что мне это не стыдно, очень стыдно, да уж что пицать. Поздно! Но, благо сразбегу, я все-таки не стану останавливаться, буду так продолжать, будто к спеху. Совершенно это невероятная вещь, а между тем, сколько я ни читаю о Руссо отзывы, критик и проч., все нахожу, что вот за 100 лет горы о нем люди написали, и никто его не понимал. Меня вот, видите ли, дожидались.

Впрочем, реакционеры некоторые понимали: «Actes des Ardres» Ривароля, что за прелесть! Это журнал дворян, врагов Национ[ального] Собр[ания] в первые годы революции. Как остроумно они насмеются! А тогда, вероятно, демократы находили, что это «свинья в ермолке» и неостроумно. Последние адреса для писем: этот я наизусть помню, столько было возни: Ник. Александр. Дмитриев, Надеждинская, дом № 29, кв. 4.

Теперь для посылок: Université Impérial, M-r le professeur Serge d'Oldenbourg. Кабы вы были добры, вы бы еще до субботы написали. Во-первых, вы больны, во-вторых... опять-таки написали бы.

Ваша Вера.

37.

Лондон, 1896 г.

Дорогой Жоржик! Пишу вам в большом восторге, — сейчас вернувшись с митинга делегатов всех трэд-юнионов и социалис[тических] орган[изаций], где обсуждалось и решалось насчет петерб[ургской] стачки. Резолюция будет в газетах, но общий смысл: рабочие Англии должны поддерживать своим сочувствием и деньгами русских рабочих в их справедливых требованиях условий труда. Принята единогласно (в зале человек 200 было — все делегаты, за ними, следовательно, сотни тысяч), с энтузиазмом (с бесконечными аплодисментами). Митинг был собран не специально для стачки, а по поводу «Монстра», на котором вы будете говорить. Порешив с «Монстром» за 1/2 часа, остальное время занимались нами. Вотировать денег из касс трэд-юнионов они не имели права. Вотированы сборы во всех рабочих организациях. Это, собственно, превышение полномочий от вас, но откладывать нельзя было. Сегодняшний митинг был слишком хорошим случаем, чтобы позволительно было его пропустить. Переговоры ведь начаты были еще до вашего письма. Ни Бернштейн, ведший их, ни я на деньгах не настаивали, а на сочувствии. Резолюцию внес Купер [Cooper], делегат Trades Council, представитель всех лондонских трэд-юн[ионов]. Кассиры этого Trades Council будут кассирами и по этим нашим сборам (1/2 Элеонориной шляпы серебра сейчас же собрали). И это — зная, что формальная отчетность невозможна и что стачка, вероятно, кончится

раньше, чем сборы будут закончены! Нужда, мол, будет на-верное большая, чем бы она ни кончилась. Я туда затесалась просто вызвать Элеонору Маркс-Эвелинг, спросить, чем кончилось. Но пришла слишком рано, меня Элеонора позвала в Бюро. Рекомендовала, встретили страшными аплодисмен-тами и предложили сказать несколько слов. Я, не ломаясь, тотчас согласилась, говорила (по-французски) не слишком заикаясь, кажется, даже красноречиво. Элеонора переводила. Ну, не следует ли погладить меня за все это? И за огромную (повидимому) удачу? Ведь зла, ей-богу, от этого ни в каком смысле быть не может. На первом плане будет Trades Council — официальнейшее, некоторым образом, государственное учреждение богоспасаемой Англии. Вот разве что мое имя в газетах замешается и придаст этому чуточку револю-ционный оттенок. Но ломаться мне было неприлично, испортила бы дело. Да все равно и без «речи» было известно, что я хлопочу. Ну, словом, погладьте.

После митинга со всякими главными делегатами ходили в кафе, пили шампанское за здоровье петербургских ста-чечников. Меня спрашивали о заработной плате. Не очень я наврала, сказав, что в хлопчато-бумажной промышлен-ности плата в среднем для мужчин рублей 12—15 в месяц, для женщин 7—10? Все говорят, что надо, чтобы русские рабочие были как можно лучше представлены на конгрессе. Мне приходит в голову, что, быть может, это сочувствие может принять постоянный характер и образоваться в нечто неизмеримо важнейшее буржуазного «Free Russia».

Бернштейн просил меня спросить вас, не можете ли вы написать брошюру о русских финансах, из которой видно было бы, что они завтра же обанкротятся? Его какой-то немец геноссе [товарищ] давно уже «бомбардирует» пись-мами на множестве страниц (коли согласитесь, он вам их пошлет) о необходимости такой брошюры. И к Бебелю он ходил, и тот ему сказал, что такая брошюра имела бы большой успех и за нее можно отлично заплатить... Сам-то Бернштейн думает, что Россия банкротиться не собирается, но находит, что, коли вы можете написать, т.-е. собираетесь, то отлично. Ответьте об этом.

В. З.

Марга пенсовая не по бедности, а по воскресенью и нет.

38.

Лондон, 1895 г.

Милый Жорж! Вы, конечно, уже получили мое письмо и поняли, что я молчала не по болезни и не по изумлению, а вследствие то пассивного сопротивления, то активной борьбы с подлым Томсоном? Тот ли? Я еще за это время для вас же сделала выписки из данной мне Элеонорой рукописи-переписки Маркса с Н. — оном. Я должна была возвратить ей тетрадь 3-го, когда к ней ездил Либкнехт; был ласковый такой, но говорить-то с ним много не пришлось.

Собрание имело не тот характер, как я думала. Они это Либкнехта англичанам показывали. Штук 50 человек за вечер перебивало, и бедный старик весь вечер стоял, выслушивал по паре слов от представляемых ему англичан и Вайтчепельских евреев. А сегодня в газетах говорят о «terrible rixе» в Петербурге 15—16 мая. Полиция была побеждена, казаки постасканы с лошадей и с ними поступили severely, и лишь выстрелы обратили толпу в бегство, убито 350 человек. Что это такое? Почему? Ничего не разберешь! Известие слишком кратко. Во всяком случае это уж не студенческие беспорядки, на которые и дворников было за глаза довольно. А в Москве произошел адский бессмысленный ужас. Это что-то небывалое в истории, чтобы в чистом поле передавить ногами без паники тысячи народа! В газетах—передавленных все прибавляется, теперь уж тысячи четыре.

39.

(Лондон, 1896 г.)

Бога ради *мгновенно* [пришлите], кроме «Суб[ективной] лит[ературы]», также ту книжку Михайловского, где он спорит со Слонимским: я там помню очень суб[ективную] фразу, для доказательства, что разделение труда уменьшается. «Теперь всякий может как шить, так и чинить обувь, а прежде было запрещено». Мне ее ужасно нужно. Хорошо около нее придумано.

Ваша Вера.

Надо-то бы мне массу всякой всячины.
И Южакова с гадами опять бы нужно:
Скорей! Быстрей!

40.

Лондон, 1896 г.

Милый Жорж! Вы, очевидно, злы на меня, как 100 чертей, за неперевод, что совсем не писали на этой неделе. А мне от хлорала полегчало, и я [за]то так переработала статью, что уж опять ее люблю, и мне кажется, что и вам понравится (зла, как гиена, — мне даже кажется, что злее вас самих). Хотите, пришлю вам первую бóльшую половину? Чтобы уж я ее не трогала. Это я сейчас перечла и осталась довольна. Но потом подумала: «вот разболится у тебя голова или усилится лихорадка и нападет на тебя справедливость!». Поэтому и принялась вам писать, чтобы отрезать себе отступление.

Не сердитесь, — чувствую свою провинность и прошу прощения. Но я, право, тогда была совсем больна, и теперь нездорова, но все же совсем иное дело. Я никого не вижу, ничего не слышу, дышу одной статьей, так что мне больше-то как об ней и писать не о чем.

Ваша Вера.

41.

Лондон, 1896 г.

...[Начала нет]... Несколько англичан, членов «Friends of Russian Freedom» (Общ-во Друзей Русской Свободы), ввиду того, что русские члены (Волховской, Гольденберг, Чайковский) «Friends of Russian Freedom», очевидно, не имеют никаких сношений с идущим теперь в России движением, предложили этому обществу просить меня, как имеющую сношения, вступить в него. На это одна английская кукла Волховского встала и заявила, что ей из верного источника известно, что я дурно говорила о «друзьях русской свободы» (ничего я никогда об англичанах-«друзьях» не говорила), а потому, очевидно, откажусь, — незачем мне и предлагать. Этим моя кандидатура была устранена. Ничего не вотировали относительно меня. Затем Чайковский долго говорил, что соц.-дем. бывают разные. Я и мои друзья нетерпимы, желают все себе приписывать; не признают террористов. Но есть хорошие соц.-дем., с которыми они в сношениях: те живут в Вене, но один есть и тут, Р—н, которого и Засулич хорошо знает. Его-то они и предлагают. Провотировали и решили пригласить.

Этот Р—н соц.-дем., но работает по литературной части у фондистов. Он справлялся, по моей просьбе, о 100 фунтах, но знаю я его совсем мало, впечатление от него неудовлетворительное, а главное, «чего враг желает, — наверное вредно». Мои сторонники-англичане желали бы продолжать кампанию. Для чего я заявлю, что дурно о «друзьях» не говорила (обвинения фондистов в клевете), а Р—н или отказывается, или будет заявлено, что через него сношения с русским движением установлены не будут. Я нахожу, что будет лучше, если последнее заявление сделаю не я, а заграничный «Союз», имеющий право (это вотировано на Лондонском с'езде) представлять русский союз. Пусть это будет в форме частного письма ко мне, хотя бы вас, Жорж, но чтобы вы говорили за Союз или секретаря Союза, на мой запрос — ответ мотивировать в таком роде, что т. Р—н, как вы слышали (будто даже не от меня), работает у фондистов; я вам писала, что предложили его «Друзьям» фондисты, а между тем с фондистами социал-демократы не имеют и не будут иметь ничего общего, поэтому т. Р—ну не следовало бы брать на себя представлять с[оциал]-дем[ократию]. Я постараюсь, чтобы Р—н сам отказался, и надеюсь, что он (если он честный человек) это сделает. Но на всякий случай мне надо иметь такое письмо. О заявлении Либк[нехта], что я представляю соц.-дем., я просила Бухг[ольца]. Ободрение студентов, как выдумал Бухг[ольц], конечно, глупости, но заявление Либк[нехта] или нашего Союза, что представляю с[оциал]-дем[ократию], а с Фондом они не имеют ничего общего, мне вначале было бы очень полезно. Ведь, начав сгоряча (по приказу из России через редакц. «Vorwärts'a») агитацию, я очутилась без самодельнейшей бумажонки лицом к лицу с врагами. Цель моя теперь такая, чтобы «Общество Друзей» распалось (или из него вышли фондисты), а на его развалинах образовался [бы] постоянный комитет для сбора в пользу стачечников совершенно наш. Ведь стачки будут продолжаться и будут очень короткие, — всякий раз комитет устраивать невозможно, нужен постоянный. Все ваши швейцарские деньги Бухг[ольц] прислал мне для пересылки. Кабы дней на 5 раньше, так они уже в Питере были бы, а теперь полежат: 2 раза под ряд не могу посылать.

Я еще ни слова сама против фондистов не говорила. Все само делается. Я постараюсь, чтобы и впредь так было. Но на всякий случай мне нужно вооружение.

Правда ли, что Гранковский шпион, как говорят фондисты? Или только с ними поссорился? Постарайтесь прислать мне его произведения против них. Не бойтесь, слишком воинственна я не буду.

42.

(Лондон, 1896 г.)

[Хотя обращение к П. Б. Аксельроду, но письмо это предназначалось и Г. В. — Л. Д.]

Дорогой Павел, насколько могу припомнить, я отвечала на все в ваших письмах. 200 фр. получила и заранее (авансом) послала из них 7 фунт. (70 руб.) в Питер. Вы писали, что американских денег было 189 фр. Я послала из них 175 фр. да на пересылку (вместе с 1.000 руб. Томсона) пошло 5 фр., остается, следовательно, из них не отсланными 9 фр.

Оказывается, ни в Берлине, ни в Швейцарии нет адреса для отсылки денег. Прислали мне сюда 21½ фунт стерл., но когда я уже отправ[ила] 1.070 рублей, а два раза подряд я не могу послать, будут валяться здесь. Вот досада-то!

Комитету английских «Друзей Русской Свободы» несколько англичан предложили пригласить меня, т[ак] как, мол, русское движение слишком односторонне представлено в этом обществе. Перепуганные фондисты устами одной [своей сторонницы] или англичанина об'являют, что меня невозможно пригласить, так как я дурно говорила об английском комитете общества «Друз. Русс. Своб.». Изящно! И ложь вдобавок. Ничего я о нем не говорила.

Затем Чайковский сказал длинную речь о негодности (нетерпимости, злости, приписыванию современного движения деятельности соц.-дем[окр.] и проч.) таких соц.-дем., как я и моя компания, что есть и хорошие соц.-дем., с которыми можно иметь дело: один в Вене живет, другой — у них в Фонде работает, вот его и следует пригласить, он вдобавок и с Засулич близок «как рука с перчаткой» — английская пословица, — при чем надо заметить, что этого фондиста — соц.-демокр. Ротштейна — я только вчера в пер-

вый раз увидела, уже после заседания комитета. Вы видите из этой истории, что против нас вообще, и меня в частности — фондисты на все способны. Чтобы отпечатать прокламацию Тома Мэна особой деятельности им не надо было, а надо было только, чтобы Том Мэн думал, что они представляют движение, но против меня они очень деятельны. Пред Томсоном, приславшим мне 1.000 руб. и взявшим обратно внесенные прежде в «Общество Др. Русс. Св.» деньги на стачку, они стараются теперь меня оклеветать. Их много, а я абсолютно одна. Русских соц.-дем. здесь только Н. (Водена считать нечего), он старается, но беспрерывно своим безвкусием, бестактностью ставит меня в неловкое положение. При моей нервности действовать при таких условиях для меня адская мука.

Перешлите мое письмо с этого места Жоржу и Союзу. Но, с другой стороны: если можно откуда-нибудь получать значительные деньги для стачек, то только из Англии (да разве из Амер[ики]), не от рабочих: трэд-юнионы, как таковые, будут вотировать помощь из своих касс (они ведь этого и летом не сделали) лишь тогда, когда стачечный комитет будет заседать открыто и его секретарь открыто переписываться с их секретарями и немедленно посылать расписки в получении каждого фунта, и в русских газетах будут ежедневно отчеты о ходе стачки. Словом, — после конституции. По подписным листам много не набиралось. На этот раз среди социалистов и евреев сборы идут, говорят, хорошо, но вторично, если бы летом опять была стачка, тут уж ничего не возьмешь.

Но среди буржуазии есть элементы, способные увлекаться всякими чужими делами и давать деньги. Тех, чье увлечение направлено в сторону России, Сергей успел свести в «Общ. Друз. Русс. Своб.». Я думаю, что обязательно более или менее сделать, что возможно, чтобы дать этому обществу (ведь англичане не виноваты, что их надувают фондисты) возможность помогать русскому движению через нас. Если мы не захотим этого сделать, то должны бы посоветовать русской организации войти в прямые сношения с фондистами, но тем самым сделать их представителями нашего движения и пред границей и пред русским обществом в своих [отчетах (?)], которые тогда сделаются интересными.

Я решаюсь продолжать пытаться достигнуть первого. Комитету напишу заявление, что никогда и ничто дурного о нем не говорила. А наш швейцарский Союз прошу прислать мне протест против возможности для Ротштейна представлять соц[иал]-дем[ократическое] или русское движение, словом, что бы то ни было наше. Быть может, я таким образом все-таки попаду в комитет. Но тогда уезжать из Лондона уж и думать нечего. Или надо найти на мое место верного с[оц.]-д[емократа], говорящего хоть кое-как на англ[ийском] или хоть по-французски.

Обратите пожалуйста, Павел, внимание на мою следующую просьбу: напишите, правда ли, что Гранковский, столько лет бывший просто фондистом, стал шпионом, как печатают о нем фондисты? Других доказательств, кроме того, что он стал против них писать, они не приводят. Бога ради, пришлите мне (ведь они в Цюрихе выходят, — достать нетрудно) те №№, где он на них нападает, и какие-то брошюры. «Может быть и псевдоним», произведения которого они прежде печатали и страшно его доили. Никакого неосторожного употребления я из этого не сделаю, но знать мне надо про них как можно больше. Пожалуйста, исполните эту просьбу. Обязательная работа по 15 ч. в сутки над речами, статьями, письмами и, пока не слегла, бегомней у меня скоро кончится, а я слишком и больна и возбуждена, чтобы приняться за литературн[ую] работу или ходить в музей. Поэтому знакомиться со всем, касающимся наших отношений и русского движения, — как раз мое теперь дело. Да оно мне и обязательно. Поэтому *низко кланяюсь и покорно прошу* вас прислать вашу переписку с Москвой. (Отчет о движении в Москве мне прислали, но никакого «извинительного письма».)

43.

(Лондон, 1896 г.)

Дорогие Жорж и Блюменфельд ¹⁾.

Coup d'état [государственный переворот], как вы называете, мне представляется целью довольно отдаленною.

¹⁾ Старый эмигрант, соц.-дем., один из наиболее близких лиц членам группы «Осв. Труда», в особенности — В. И.; живет в Ленинграде.

Внушила мне [ее] оппозиция, т.-е. собственно Адольф Смит. По его словам, фондистами многие недовольны в обществе Fr[ie]nds of Rus[sian] Fr[ee]dom¹⁾, но, не зная других русских, все-таки судят с их слов. Будучи в обществе, при наивности Чайк[овского] и Гольденб[ерга] нетрудно, вероятно, [было] бы уличать их время от времени во лжи, в извращениях и проч.

Газета «Free Russia» [«Свободная Россия»] непременно будет нести буржуазный вздор, даже после всяких coups d'état, если бы они и произошли. Глава общества — Спенс Ватсон, один из редакторов «Daily News» и любит писать статьи в «Fr. Russ.». Его [оц.]-д[ем.] не сделаешь. Я была бы рада убедить себя, что не обязана вступать в это общество. Мне казалось, что обязана, если важно собирать здесь деньги на стачки. С трэд-юнионов до конституции ничего не возьмешь (ведь они и летом из касс ничего не дали). Теперь дают социалисты и евреи, но они бедны, — в другой раз к ним скоро мудро обращать, а летом, вероятно, будут опять большие стачки. Здесь имеются буржуа с фантазией помогать России (другие — армянам [в] кубе даже). Через фондистов они теперь делать этого не могут. Про эту стачку, которую большая пресса замолчала, фондисты говорили «Друзьям R[uss.] S[воб.]», что стачка плоская, потому они о ней и не заботятся. Те и поверили, конечно. Мне казалось, что должно дать этим англичанам возможность помогать стачкам, а этого нельзя сделать без близкого соглашения между Петерб[ургским] «Союзом» и Фондом или без вступления путного соц.-дем. в английское «Общ. Друзей Русс. Своб.». В этом обществе англичане самых разнообразных взглядов: полтора соц.-дем. [не] из теорет[иков], вдобавок), фабианцы, христиане, виги и тори. Общее у них — лишь «Дружба к русской свободе». Мне казалось не важно, что они врут в газете. Если бы я попала туда, как представительница определенного дела, определенных интересов, могла бы писать о своем деле в их газете за своей подписью. Если я не буду приставать к Смигу, — оппозиция расти не будет, а просто забудет об этом, а само «Общество» (без Сергея, которого все там любили) просто умрет со скуки.

¹⁾ «Друзей Русской Свободы».

Я и не буду трогать Смита. Лично мне очень тяжело было бы вступить туда (враждебная в большинстве атмосфера и моя робость даже и с невраждебными иностранцами), да и из Англии нельзя бы уехать. Но если, паче чаяния, и при моем бездействии, мне все-таки предложат вступить, надо будет принять (лучше после выйти,—болезнь не может помешать ответить на пригласительное письмо), а то поставишь в неловкое положение Смита с компанией.

Сразу ваши листки были бы лучше моих (формальнее, основательнее), но теперь уж заменять не стоит. Выйдет одна путаница.

Вчера послала вам, Блюменфельд, корресп[онденцию] из Одессы с частью материала. Сегодня—4-й № «Нар. Вол.» и тоже материал. Остальное пришлю на-днях. Когда получите что об этой стачке (прокл[амацию], корреспонд[енцию]),—пришлите мне, бога ради, хоть на 2 дня, чтобы успеть списать и потом отослать. Я ведь аккуратна на это. Мне все еще очень нездоровится.

Вера.

[P. S.]. Я уже писала вам, что ваши 200 руб. (т.-е. только 537 фр. 50 с.), пришедшие от Бухг[ольца], после отсылки 1.070 руб., лежат пока. Но я рассчитываю получить возможность опять послать, так что, если у вас нет возможности послать иначе остальные деньги, пришлите их через банк на адрес Мендельсона (4 Harcourt Building, Temple E. C. London).

У меня с получками часто выходит путаница и большая беготня, а я пока совсем не могу выходить.

Когда выйдет Руссо—«не ясно», в другом письме—«неизвестно». Болезнь Путмана ¹⁾, произошедшая вначале лишь от злой случайности, осложнилась неудобным временем, и его состояние ухудшилось. Огромная это потеря во всех отношениях. Руссо-то—чорт с ним! Без Путмана легче наделать глупостей слишком быстро сменяющимися поколениями практиков. Его друг [Струве?] влияния на них иметь не будет, а он имел.

¹⁾ Т.-е. арест Потресова.

44.

(Лондон, 1896 г.)

Дорогой Жорж, не хочется мне беспокоить вас, т[ак] к[ак] вы больны, но все же должна я вас спросить, знаете ли вы что ниб[удь] о получении в Петерб[урге] собранных здесь денег? Там ведь опять стачка. 2 недели тому назад один господин явился ко мне с невинными письмами от «уша-стого» [Струве] и его тетки и с словесным поручением от Союза, во что бы то ни стало, на основании каких-то (не полученных мною) писем, взять у английского комитета (который с начала ноября как не существует, а деньги переданы фондистам) лежащие у него 100 фунтов. Из этого я заключила, что деньги в Петерб. Союзе не получены, и, получив вчера известие о возобновлении стачки и приказ «собирать», я уже начала действовать в этом смысле, сказала 2 англичанам, что деньги не получены, этим устранились бы с позором фондисты. Сегодня получаю от Бухгольца ¹⁾ письмо, где говорится: «Прошу вас (т.-е. г. Бухг. просит) сообщить Соедин. Комитету, что 1.000 руб., посланные этим Комитетом, получены союзом».

Следовательно, я вчера очень неосторожна была. Но как мне быть, кому верить? Что это значит? Страшная мука эти сборы! Ничего я не подедаю, но буду повиноваться, бегать и писать письма с утра до ночи. Но нет здесь человека, с которым бы посоветоваться. Эвелинги — одна беда, а не помощь, беда, что известно, что я к ним близка.

Войти ли мне в сношения с фондистами? Если деньги дошли, то нет резона бороться против их сборов, и мне придется или очень мало делать, или с ними делать. Но ведь это была бы повинная теперь с ними входить в сношение. Что мне делать?

Пишите о вашем здоровье, бога ради.

45.

(Лондон, 1896 г.)

Дорогой Жорж, сейчас получила известие, что Путман арестован. Это просто ужас что такое.

¹⁾ Социал-демократ, полу-русский, полу-немец, примыкал к русскому движению, эмигрировал в Германию.

Хвост ¹⁾ я почти докончила, в понедельник решила послать. Но ведь теперь все это пропало, не так ли? Напишите, бога ради, как что узнаете обо всем этом. Непременно напишите! Известие я не от его друга [Струве] получила, но тот во время письма, очевидно, был здоров.

46.

(Лондон, 1896 г.)

Милый Жоржик, отнеситесь ласково к этой бедной скотинке. Не поддавайтесь злобе, которую будут внушать вам запятые: *Elle n'est pas si bête qu'elle en a l'air* ²⁾. У нее есть кое-где мысли в морде.

Напишите поскорей о ее судьбе.

Цельной черновой у меня нету. Я бы не смогла переписывать, не переделывая, а переделывая, довела бы ее помаленьку до размера книги.

47.

Лондон, 1 сентября 1896 г.

Дорогая Розалия Марковна!

Будьте так добры, напишите, приехал ли Жорж?

Если вы приехали, Жорж, напишите, пожалуйста о вашем спутнике ³⁾. Здесь получены известия, из которых видно, что ему грозит полное разорение, предотвратить которое могла бы только остановка в том именно городе, от посещения которого мы его так сильно отговаривали. Там его ждали известия. Как ваше здоровье?

Ваша Вера.

48.

(Лондон, 1896 г.)

Милый Жорж, зачем бы я стала посылать только половину статьи, если она вся сегодня готова? Будет, я думаю, листа 2 с половиною. Я теперь только перечитаю ее в по-

¹⁾ Т.-е. заключение статьи.

²⁾ «Она [статья] не так глупа, как выглядит».

³⁾ Т.-е. Струве.

следний раз и завтра — послезавтра пошлю. Несколько дней затем буду ходить в гости. Я все и вся совершенно запустила. Никого не видала. Совершенно не знаю теперь, какова моя статья объективно, и буду дрожать в ожидании вашего мнения. Субъективно-то я ее люблю. Некоторые места особенно. Но судить можно, если кому-нибудь прочесть или хоть поговорить о предмете, а я никого не имею для этого.

Пожалуйста, чтобы расположить себя к моему детищу, начните читать с примечания к 8-й странице. Обратите, бога ради, внимание, на мою «биологию», не наврала ли я чего? В первый раз пришлось мне пожалеть об абсолютном незнании естественных наук.

Насчет злости, надеюсь, останетесь довольны. Уж на что злее! Хоть бы она и неуклюжая была, мне все же страстно хочется, чтобы она была напечатана. Очень рада, что вы вошли во вкус насчет Блюменфельда. Он в своем роде прелестное творенье. А насчет 1-й статьи 2-го отдела сборника вы совершенно правы. Сперва она бросилась мне в глаза лишь своей неимоверной болтливостью, и я, не дочитавши, решила, что она дурацкая. Но после вашего отзыва, прочтя, увидала, что человек действительно думал и во всех замечаниях по адресу Струве вполне прав. (Этого последнего я продолжаю не любить.) Все зло этой статьи лишь в болтливости. Не сконцентрирована. Славная вещица Потресова. Трепала в своей статье волей-неволей всего больше Михайловского, а все же изо всей их компании он милый. Ненавистная тварь Кудрин (в «Из Франции»). Вот фразерская скотина! А какая судьба постигла здешний «Сборник для рабочих»?

Ваша Вера.

Еще раз прошу прощения за неперевод. Действительная свинья!

49.

(Лондон, 1896 г.) понед. 18-го [?]

Очень меня огорчило ваше письмо, дорогой Жорж: что это опять за напасть такая с болезнью? Опять с грудью

что-нибудь или ифлуэнца какая? Хвост ¹⁾ я уже третьего дня послала. Я посылаю туда, что приходило не прямо, а передаточная инстанция сообщала мне, что нужно послать. Так как хвост у меня так и не вышел, а вышел колокольчик на шею, я было хотела послать вам на просмотр, но, узнавши, что вы больны, послала прямо с просьбой «ушастому» обладать как знает. Ведь он тоже прирожденный (настоящий) писатель и должен знать приличия литературы.

Клянусь на перо и чернильнице никогда больше не соваться в большие работы!

Нет ли каких оснований предполагать, что человек, которого Женька когда-то подарил Марии Ник. ²⁾ — здесь теперь в Лондоне? Очень мне это интересно. Я боюсь, что из-за моего неузнаванья у меня случилось с ним огорченье. Уж года 2 я не чувствовала себя вольным человеком из-за проклятого Руссо. А теперь с непривычки чувствую себя со вчерашнего дня «собакой, поднятой на воздух». Примусь за фабианцев. Ненавижу я их, не читавши, но чувствую, что вместе с Брентан'истами (это ведь очень сродни одно другому, хотя и независимы) прокрадутся в ближайшем будущем в марксизм. Бернштейн уж чуть жив в этом отношении.

Рассмотрели ли вы свою монтрейскую соседку? Чем она вам кажется? Интересная? Выздоровливайте, не хворайте. Есть ли у вас деньги? А как случилась эта беда с Путманом? Есть ли надежда, что кончится пустяками?

Ваша Вера.

50.

Лондон, 1896 г.

Дорогой Жорж, вы что-то молчите. Я в прошлом письме «пищала» не из потребности пожаловаться, — мне подумалось, что раз у вас у самого «писк» на душе, вы на минуту вообразите себя на моем месте и тогда почувствуете сравнительную прелесть всего, что есть у вас. Сознание и общее

¹⁾ Так, напоминаю, В. И. называла заключение всякой статьи. Л. Д.

²⁾ По всей вероятности, Вера Ивановна имеет в виду А. Тилло, которому я дал летом 1882 г. рекомендацию к Опаниной. Л. Д.

признание своей полезности, своего таланта и лучшая в мире (я думаю, всякий хороший семьянин это думает про свою) семья. Сегодня я, впрочем, взялась писать с намерением просто рассказать вам что-нибудь. Во время болезни была у меня Н. Я ее, конечно, встретила, как будто ничего не бывало, расцеловались и проч. Если бы вы видели только, какая она стала здоровая, бодрая, предприимчивая (предложила, напр., свое сотрудничество «Русск. Бог.» и получила согласие, — прежде она никогда бы на это не решилась). Кэни Гернт давно уж мне говорила (с обидой в голосе за S.), что Н. здоровее и бодрее, чем когда бы то ни было, и все пыталась объяснить это себе какими-нибудь общими свойствами русской души. Вначале, мол, русские так бурно чувствуют и выражают свое горе, что потом в виде реакции здороваются... Что-то в этом роде сочиняла. Мне кажется, что дело тут совсем не в «русской душе», а в том, что она прожила весь свой век без малейшей надобности о чем-нибудь думать и заботиться: все S. на себя брал. Прожила она в тени его, — везде они были не иначе как вместе, и везде и для всех он был интереснее ее. Она от этого не страдала, не соперничала с ним, но привыкла к ощущению, что она — дробь целого. Теперь она почувствовала самостоятельную силу, свои собственные способности. Стала целой единицей, и все это доставляет ей удовольствие, хотя наверное и теперь сквозь все это удовольствие с болью вспоминает S. И, думается мне, не на долго хватит этого удовольствия, — начнет грызть сознание одиночества. — У Серебрякова девочка умерла, с вашу Машеньку была величиной и такая же здоровая, добродушная, забавная была и любимица их обоих. Я его не видела с конгресса, но так как он здесь единственное существо, к которому у меня есть немножко нежности в душе, я ему передаю поклоны через знакомых, но он не отвечает. Вы знаете, вероятно, что Раковский с Рябовой здесь еще с месяц прожили...

Очень меня огорчало наблюдение над умом Ин—за: ведь он прежде думал — мне так казалось, по крайней мере. Теперь совсем не думает, — ум его совершенно кристаллизировался. Не то, чтобы был занят, некогда было думать, — это бы не беда: мог бы опять начать потом думать. Нет, он все на свете знает твердо, безусловно, спорит само-

уверенно, он ведь почти ежедневно по газетной статье пишет. Это-то, я думаю, и загубило его мысль. Для таких статей ему нужна была маленькая, но всесторонняя машинка, на все дающая куценький ответ: он ее себе отличную выработал, и теперь ему уже не требуется никакой лишней мысли, они у него от головы отскакивают. Впрочем, мне вот, грешным делом, кажется, что мое первое впечатление от статьи Крепыша было верно. Я опять перечла, думая вдохновиться для хвоста. Он тоже не думает. Ей же богу, он твердо знает, как «марксист должен говорить». Все, что он «должен говорить», уж готово: Маркс сказал уже. Россию он просто подгоняет под слова Маркса, для этого она у него уже совсем капиталистическая, а народники, что бы они ни говорили, все это только потому, что в их головах отражаются интересы мелкого капиталиста. Он это не показывает, а просто твердит, но называет «вскрытием». Он на-верное прекрасный человек, вроде Дворника [Ал. Дм. Михайлов — народоволец. Л. Д.]. Да и Ин—ов прелестный человек остался, а все-таки, как-то жалко, что перестал думать. Но статья Крепыша, говорят, сделала большую пропаганду и Ин—вские делают. И дай им бог здоровья. А мне и таких не написать (не захочу), но и с мыслями не написать (не умею).

Получаете ли газету «Самарск. Вестн.»? Там все «фаршированные головы» заседают. Мне приходит: она газетка очень живая. Вышел по-русски 3-й т. «Капитала» Маркса.

В. В.

Дорогой Жорж, мушки мне не ставили: доктор говорит — болезнь старая, хроническая, теперь только обострилась, нужно не выходить пока из комнаты. Я и не выхожу. Лихорадка еще тянется, но убывает понемногу. Я вовсе не недоверчива, дорогой Жорж, раз я вижу с вашей стороны доброе отношение, я ему вполне верю, — ну, на какого бы дьявола стали бы вы притворяться? Чувствую противное, точно так же верю и ему. Мне кажется, дело в том, что вы на приятельские, дружеские отношения переносите пред-

ставление о «родственных» отношениях. Родственник есть родственник, это решено раз навсегда. Приятельские же отношения существуют пока есть приязнь, — нет ее, и их нету. А что я обращала на присутствие или отсутствие приязни слишком много внимания, так это зависит просто от моего положения. Вы сыты на личные привязанности, — у вас есть семья, — у меня нет иных привязанностей, кроме этого несемейного сорта, а, к великому несчастью, потребность в привязанностях почти так же неистребима, должно быть, как и потребность в пище. Мне, должно быть, мало знать, что отсутствующая в настоящий момент приязнь только *aufgehoben* [отсрочена] и когда-нибудь, со временем, может и опять проявиться. Теперь явилась, а в Англии ее не было. Не было и в Швейцарии, до отъезда в Италию. Вы просто не замечаете ее отсутствия. Я и не думаю упрекать вас. В приязни, в дружбе (в противность семейным отношениям и товарищеским для определенного дела) — не может быть даже и тени обязательности. Если бы вы не возобновили переписку, я при следующей встрече, вероятно, не стала бы замечать, есть ли или нету у вас приязни ко мне. Знала бы, что нету. Теперь, может быть, опять буду. Это не недоверчивость — это просто привязанность. Я желала бы от нее отделаться.

Финансы у меня есть.

52.

Лондон, 1896 г.

Дорогой Жорж, «господин из столицы» [?] подробно и хорошо знает об моих отношениях с фондистами, — узнал об них в Берлине от «Кошени» ¹⁾ и тем не менее вел с ними, тайно от меня, дружескую переписку! Подумайте только, какую же цену могут иметь в его глазах мои сообщения о фондистах? Меньше, чем ваши, Павловы, а ведь знаю я подробнее, чем вы, только про их отношения ко мне: 1) что они такое вообще, вы с Павлом, конечно, знаете столько же, сколько и я. Их отношение к соц.-дем. видно из их «Листка», вышедшего после Конгресса. (Он верно есть у Блюм[ен-

¹⁾ Кажется, кличка тов. Бухгольца. Л. Д.

фельда] и Гинзб[урга], а нет, — могу достать.) К нам это отношение отрицательное, а к российским россиянам пока никакого, — просто полагают, ч[то] стачки подготовлены всеми партиями. Но как только питерцы завяжут с ними тесные сношения (а это для фондист[ов] по 1.000 денежных причин очень важно), они не постоят за тем, чтобы и соц.-дем[ократами] себя заявить. И теперь в письмах к любителю рабочих брошюр ¹⁾ они (отсюда вижу эти письма в кармане у «любителя») наверное изображают себя кроткими, обиженными и готовыми к услугам ангелами. Если питерцы т[ак] «беспартийны», что «Листок» о Конгрессе не мешает их сношениям с фондистами, — что же можно прибавить к этому? Плохо фондисты относятся лишь к партийным (не предоставляющим им никаких выгод) с[оц.]-д[емократам], а к беспартийным великолепно. Писать же об их отношении ко мне в данную минуту некрасиво, унижительно с моей стороны, — это значило бы ставить свои чувства выше денег для стачечников. Ведь — и это главное — я не могу собирать, во всяком случае не могу столько, сколько могут фондисты. На этот раз они не собирали и мне, насколько могли, мешали, но, если россияне войдут с ними в сношения, они будут собирать изо всех сил, — это для них самих, для их прокормления около англичан необходимо, а посылать деньги будут, — прокормление само собой улучшится. Они соберут неизмеримо больше меня, уже по той простой причине, что их много, и все они ничего не делают, все специалисты по всякого рода собираниям и обираниям, а у меня здесь нет ни одного помощника по сборам, кроме Селитренного. Вы скажете (как говорили осенью) — Элеонора. Она ничего не делала, кроме прочтения моей речи, и то по усиленным просьбам. Она об'яснила мне это тем, что на своей попытке (еще осенью) собирать для заключенных стачечников убедилась, что ее участие, как заведомой партийной социалистки, при беспартийности англичан, может быть только вредно при сборах. И она, конечно, права и не по одной этой причине, но и по этой тоже. А эта причина, после моей полемики с Волх[овским], относится и ко мне. Адольф Смит,

¹⁾ Вероятно, Лазарь Гольденберг, об'являвший себя соц.-дем. и входивший в группу Фонда. Л. Д.

не желающий мне ни малейшего зла, просил меня указать ему кого-ниб[удь], кому бы мы вполне доверяли, но кто в то же время не был бы известен своей партийностью, с таким кандидатом в комитет Fr[ie]nds of Rus[sian] Fr[ee]dom], вместо меня, ему легче было бы там действовать. Я не могла указать здесь никого, как видите, и в его глазах выгоды моей известности перевешиваются невыгодами партийности. И вообще все представление о том, что я гожусь для сборов, основано лишь на моей известности, а *здесь* она не может быть полезна, скорее наоборот. Вот вам об'ективное доказательство. — После смерти Сергея некоторые ультра-консерваторы упомянули в газетах о том, что он политич[еский] убийца. Его друзья подняли в прессе крик, что это клевета. Они отлично знали, что не клевета, но все же желали смыть с памяти Сергея это *пятно*. Затем, англичане консервативны, они давно привыкли считать фондист[ов], — Волховского, главным образом, — специалистами по русским делам. Благодаря его лекциям о «his life» ¹⁾, — это известно в очень широких кругах: нужно бы годы самого упорного, безостановочного труда с моей стороны, чтобы добиться такого положения. У меня нехватит времени. Для меня эти сборы равносильны самоубийству самым мучительным в мире способом, посредством нравственных неприятностей, которые, благодаря моей страшной нервности, неправильному отправлению сердца (это и здешний мой доктор констатировал) и неполному порядку в легких, скорехонько переходит в формальную (с лихорадкой, обмороками и проч.) болезнь. Это — Воден ²⁾ и его барышня могут засвидетельствовать. И вы можете припомнить, что на мне тяжелые волнения и раньше в этом роде отзывались, но теперь только в 100 раз сильнее. Но, оставя это в стороне, я убеждена, что еще раньше окончания самоубийства питерцы вступят в сношения с фондистами, хотя бы на этот раз нам и удалось помешать им. Этого требуют экономические интересы обеих сторон, и для Англии

¹⁾ По приезде из Сибири в Англию, Волховский, раз'езжая по этой стране, читал платные лекции «О своей жизни».

²⁾ Молодой тогда философ, которого Плеханов рекомендовал Энгельсу.

фондисты самые естественные сборщики. Не надо забывать, что годовой оборот не то что Питерской, а Виленской соц.-дем[окр.] (это Селитр[енный] констатировал, — он печатает их жаргонный орган) вдвое больше, чем годовой доход и расход здешней соц.-дем. Фондистам сношения с пит[ерцами] необходимы, — они всячески будут улещать и подкупать питерцев, и помешать их успеху могла бы лишь отчаянная партиозность Союза, вроде как была у Пут[мана]. Надо бы, чтобы они считали дарами Данайцев все выходящее от не соц.-дем. Этого нету, а поэтому сношения будут. Если теперь нам и удалось бы вбить в них суровую партиозность, то при непрерывной смене поколений во главе Союза она исчезнет через несколько месяцев. Не выгоднее ли нам при таких условиях, чтобы неизбежные и с денежной стороны полезные сношения эти начались с нашего ведома и благословения, а не против нас? В первом случае, м[ожет] б[ыть], возможно бы уберечь россиян от литературной белиберды и путаницы, которую постарается внести фондисты, подобравшись к движению, а деньги на стачки пускай бы себе собирали. Я обо всем этом (даже считая питерцев партийными) давно уже писала Павлу [П. Б. Аксельроду]. Вам не писала, думая, ч[то] вы мало этими делами интересуетесь, а теперь излагаю ввиду ваших разговоров с делегатом. Завести сношения без моего ведома доказывало бы, что «времена, нами переживаемые, отличаются совершенно *беспользой жестокостью*», так как ясно, что фондисты должны этими сношениями воспользоваться, чтобы устроить мне какую-нибудь пакость, а с ведома, ей богу, нам не следует мешать этому. Вы скажете, что все это противоречит моему письму о плане Смита насчет вытеснения из комитета «Fr. Russ.» фондистов? Да, виновата, Смит с Мендельсоном мечтали, а я поверила. Да оно, быть может, и можно, но для этого нужно долгое время (комитет «Fr. Russ.» собирается раз в месяц), и, вероятно, другой человек, а не я. И сам Смит с его планами — явление исключительное. Он лично зол на фондистов, очень дружен с Мендельсонами и вдобавок я 2 раза дала ему (а он корреспондент Таймса) известия, которые лишь позднее подтвердились в газетах. Пусть бы делегат с'ездил к фондистам, но только хорошо, вабы после моего отъезда отсюда.

А какая сказочная судьба органа «птицы Сирен» и протопопа Аввакума! Это прямо-таки носит характер сказочного, восточного эпоса, любящего яркие законченные противоположности ¹⁾. Но... Б.-Бр. это погубит: он об этом написал Сел. с поручением... [Письмо не закончено. Л. Д.]

53.

(Лондон, 1896 г.)

Воскресенье вечером

Милый Жоржик, получила ваше письмо из «царства небесного на землю», в котором вы уже пребываете по предчувствию, что же, скажу от души: «дай бог всякому» (кроме Южакова, Кудрина, Волховского и Эвелинга), а вам тем пуще за старание и труды. Посылаю вам запрос, адресованный ко мне. Можно бы, конечно, и без вашего спросу ответить, что «M-r Plekhanoff himself will be so kind to speak a few words in French» ²⁾, но уж так и быть. Извольте же либо сами ответить и написать мне, что ответили, либо написать, чтобы я ответила. А на «монстре» ³⁾-то этом будет народа не меньше, как с 1/2 миллиона. В этом году не было митинга в воскресенье после 1 мая, с тем, чтобы перенести его на канун конгресса.

А что вы мне ни слова не заикнетесь о судьбе «скотинки»? ⁴⁾. Вы скажете: «вот носится со своей скотинкой, — как дурак с писаной торбой». Ах, господи! У иных родителей, если имеют дюжины 2 детей, так путают их между собой и даже имена их забывают. С моим дедушкой так было. Ну, а у кого детей самая малость, те интересуются их судьбой.

¹⁾ «Птицей Сирен» В. И. и Г. В. называли Кривенко (см. «Монист. взгляд», а «протопопом Аввакумом», кажется, — В. В. (В. Воронцова). В чем «сказочный, восточный эпос» — не знаю; также не понимаю дальнейшего. Л. Д.

²⁾ «Г-н Плеханов будет любезен и произнесет несколько слов по-французски».

³⁾ Грандиозный митинг в Гайд-Парке.

⁴⁾ Так Веря Ивановна называла свою статью.

Проявился тут Алексей Михайлович[?] Я ему, конечно, была рада. Рассказал разные интересные вещи о прошлом лете, которое у вас было очень оживленное, оказывается. А письма Маркса и не подумаю посылать: приедете, прочтете. Не бог уж знает, как интересны, хотя все же.

Ваша Вера.

54.

(Лондон, 11/XI 1896 г.)

[Почт. штемпель откр.]

Дорогой Жорж, я сегодня послала вам в Женеву два письма; бога ради, поскорее получите их и поступите так, как я вас там умоляю.

Помогите мне, Павел! Не верьте себе, если вам показалось, что моя статья (начало, пришедшее, может быть, в Цюрих) *ничего*. У меня на это вкус тоньше. И притом вышло так, что нам теперь напечатать статью «ничего», а не превосходную, гораздо хуже, чем не печатать совсем ничего.

Напишите, как ваше здоровье? Предполагая, что вы в Цюрихе, я тем самым предполагаю, что вам очень плохо.

55.

(Лондон, 1897 г.)

Дорогой Жоржик!

Г — на. Очень я видела во времена похорон Энгельса, — говорила с ним. Он помнит о письмах, выражал соболезнование, что их давно нету, просил меня не забыть сообщить ему свой адрес, если поеду в деревню, на случай прихода письма. А я, подумав, что для иностранца он очень хорош, аккуратен и может пригодиться, не сказала ему, что писем не будет, так что он ждет. Надо только будет к тому времени, когда может прийти письмо, написать ему об этом. — С Руссо и теоретич. работой дело обстоит так, что если бы я и не была больна (в марте я писала в смысле объективной недоказанности болезни, а лично дело другое), то пока в музей ходить мне все-таки не было бы надобности, а очередь за писаньем, и я отлично знаю все, что надо писать,

дело лишь в форме, как распределить, что после чего, но и на это у меня не хватит сил. Вот сегодня, встала в 9, а в 11 уж у меня (несмотря на то, что час тому назад пила кофey) явилось неодолимое желание хоть чуточку вытянуть спину на кровати, и вытянула и начала дремать; в час, наконец, опять встала, перечитала ваше письмо, сижу, отвечаю и уже чувствую невралгию. Я это так для разговору пишу об «эманципации», а ничуть бы не «изумилась», хотя и огорчилась, кабы вы и вовсе бросили мне писать. Убедитесь же вы со временем, что решительно никуда уже не гожусь, что «гусь свинье не товарищ», и бросите же тогда писать. Сами видите, может ли у меня быть охота упоминать вам в письмах «о Руссо и теоретической работе», это дергать себя за большой зуб. Ненавижу я всей душой и самое себя и весь мир. И самое лучшее — махните вы на меня рукой — будто меня и нету. Моргана поищу.

Ваша Вера.

56.

(Лондон, 1897 г.)

Милый Жорж!

На коленях, сложивши ланки, умоляю вас послать (не верю, чтобы не могли), кому следует, список опечаток (это даже не опечатки, а небрежная корректура без сличения с подлинником и без смысла). Многие из этих опечаток лишают всякого смысла целые страницы, а не только фразы. Быть может еще возможно отпечатать их на отдельном листочке и вложить в остальные экземпляры. Ну, теленок, это он виноват. Небось своего не станет так редактировать.

Ради Маркса и Гегеля пошлите. Ведь в списке опечаток легально вышедшей книги нет ничего вредного.

Эти опечатки все мне удовольствие в конец отравили. Прямо хоть плачь, как говорил Тихомиров.

Крыстя ¹⁾ не хочет брать с собой ни одной бумажки, а наизусть не запомнит, а у меня нет иных путей.

И «Знамя» ваше соединилось с «Раб. Мыслью». Ну и партия же!

¹⁾ Х. Г. Раковский был большим любимцем членов группы «Освобождение Труда» .

В противоположность Павлу, мне печатные мои статьи всегда меньше нравятся, чем писанные. Руссо и окромя опечаток мне теперь не нравится, а уж как нравился, пока писала. Едва ли с него разбогатеешь!

57.

Лондон, 6/II 1897 г.

Дорогой Жорж, а ведь, по правде сказать, телеграмма Бух[гольца] была очень человеческий поступок и ободрила меня немножко в очень тяжелые дни. Я ему, право, благодарна. Вы невнимательно прочли мое письмо. Не деньги Волховский отказался только выдать (они не у него и были), а сказал при этом фразу, совершенно аналогичную фразе г-жи Лившиц о Розалии Марковне, и обещал (пригрозил, то-есть) повторять ее англичанам. И вот при такой оказии вообразите себя на минутку в громадном Лондоне абсолютно одиноким. Есть, конечно, люди, с которыми я могу советоваться, разговаривать, но всем некогда серьезно вникнуть в мое дело, положение (русских соц.-дем. тут нету, кроме Сел[итренного] да Вод[ена]). Воден, конечно, визжал... А вы мне даже и не ответили. Я — «изменница», но все же не так уж.

Насчет 100 фунтов я одержала наверняка блистательную победу. Теперь не по моей инициативе затеяна несколькими англичанами дальнейшая война с Волх[овским] и компанией. Нужно, конечно, им и мое участие, содействие. А мне нужно содействие товарищей. И вот, по болезни, быть может, у меня мелькает мысль, что товарищи поленятся оказать мне его. Клянусь, впрочем, не за свое оскорбление я считаю нужным продолжать войну. Я за это время убедилась, что фондисты злейшие, деятельные враги не мои только, а соц.-дем., которые не дружат с ними.

Больна я, чувствую, что очень, дышу страшно тяжело, кашляю беспрестанно. Но пока днем мне некогда чувствовать болезнь. Мучаюсь, да только по ночам.

Излагаю дело на отдельном листке, чтобы вы могли просто послать его Блюменфельду, если вам не до него.

58.

Лондон, 20/II 1897 г.

Дорогой Жорж, долго вы думали... Несколько «Друзей Свободы» заинтересовались на несколько дней проведением меня в «Общество». Если бы я продолжала подстрекать их, они еще с неделю посуетились бы и, может быть, что-нибудь и вышло бы (а, вероятно, все-таки ничего). Но я бросила это дело, и они уж забыли. Не вижу, что бы я теперь могла и сделать для содействия приглашению ими в «Общество»? Но вы сильно ошибаетесь, думая, что одно мое вступление, если бы оно состоялось, что-нибудь значило само по себе. Чтобы что-нибудь вышло, надо вложить в это все силы, все помыслы, да и того может не хватить. Ведь я одна и я с совершенно неподходящим для борьбы характером и здоровьем, а врагов целая компания, которую кроме злости воодушевляет собственный *экономический* интерес. Из прилагаемого только что появившегося воззвания «Друзей Русской Свободы» вы видите один из способов стрижки англичан, не лучше и другие (например, мнимая отправка в Сибирь 1.000 экземпляров «Fr. Russ.»). Все это возбуждает у них совершенно справедливые опасения моего присутствия в «Обществе». Вступить и уехать в Швейцарию все равно, что вовсе не вступать. Я буду, по вашему предположению, писать «Обществу», а насчет ответов будут сопоставлять с фондистами, как единственным русским племенем «Общества». А они за ложью и клеветой никогда не постоят. И не одно ваше с Блюм. письмо и моя болезнь заставили меня перестать заботиться о вступлении в «Общество Друзей Русской Свободы», а также и сомнения насчет россиян. Ведь, если придавать главное значение самим деньгам, фондисты больше соберут, чем кто-нибудь из нас, а если питерцы войдут с ними в прямые сношения, то и посылать будут, вероятно, аккуратно. Они за это будут выставлять движение «делом всех партий», но из России это не должно казаться таким важным, а для сборов выгодно. Я просто ужасаюсь при мысли о сборах для новой стачки, если бы она была скоро. Ничего не поделаешь. О летней стачке, как о новинке, кричала вся пресса. Эта уже никому не интересна, кроме социал-демокр., сле-

дующая — тем более. На этот раз соц.-дем. помогали изо всех сил; поэтому и вышло кое-что. Но ведь они — бедные крысы; раньше года или двух с них опять немного возьмешь, при всем их добром желании. Я все-таки думаю уехать в Цюрих.

Последнее, что я знаю из Питера, это, что *все* мои рукописи «сгорели» во время бывшего у издателя пожара ¹⁾. Теперь ли только это выяснилось или речь идет о новом «пожаре», не знаю. Но, что их нету, это — несомненно. Не судьба мне быть писателем! Кроме того, я получила краткие сведения лишь об рабочих и частных делах его и его тетушке, о болезни Пут[мана], которая все осложняется и идет хуже и хуже. Такое это горе! Я еще не поправилась, тянется лихорадка и слабость. Уж поэтому одному не гожусь я для сборов. Мне здоровья ни на волос не жалко, наоборот, как раз; но просто неловко вести переговоры с англичанами, задыхаясь от кашля и обрывающимся голосом.

Ваша Вера.

59.

Лондон, 10 марта 1897 г.

Дорогой Жорж!

Сейчас я получила ваше письмо. Да, вы правы, письмо Павла говорило о совсем ином «интересном», и то, что в действительности было, совсем неинтересно. Я не буду так спешить и проеду, вероятно, прямо в Цюрих. Не могли ли бы вы оказать мне одну услугу? Она может показаться вам неважной, но по обстоятельствам дела для меня она, право, важна. Дело вот в чем: на последнем собрании общества «Free Russia» Адольф Смит опять завел речь о приглашении меня в члены. Англичанин Перец (тот, что и в прошлый раз против меня ораторствовал) возразил, что уж лучше пригласить Плеханова: она (я), мол, слишком резка в полемике и нетерпима, Плеханов миролюбивый и дипломатичный. Затем русские фондисты заявили, что следует подождать с приглашением кого бы то ни было из нас,

¹⁾ Это означало, что были взяты полицией при обыске. Л. Д.

заграничных социал-демократов, так как к ним, фондистам, едет *делегат*, уполномоченный *петербургского рабочего «Союза»*. Адольф Смит, даже не спросив у меня, заранее подумал, что это или вранье или недоразумение, так как я бы знала об этом делегате, если бы он ехал. То же предположила и я. Но теперь, после вашего письма, я думаю, что, если человек допускает возможность обращаться к фондистам за брошюрами (что было бы просто позорно), тем более можно обращаться к ним с просьбой собирать на стачки, представлять Союз пред здешней буржуазией. Последнее сделало бы невыносимым лично для меня пребывание в Лондоне, но «мало бы что», а по существу ничего противоестественного это в себе не имело бы. Я допускаю мысль, что этот человек списывается теперь с фондистами. Но делать это без моего ведома, значит ставить меня без всякой надобности в самое дурацкое и оскорбительное положение (а через меня и тех немногих англичан, которые доверяли мне, не обращая внимания на Фонд), даже без возможности оправдываться перед знакомыми иначе, как обвиняя Союз, чего я не захочу делать. Моя просьба к вам заключается в том, чтобы вы узнали от этого человека, верно ли мое предположение о его сношениях с Фондом? Мне все-таки лучше самой же сообщить об этом своим знакомым (хотя бы тому же Смицу), чем дожидаться, чтобы фондисты уличили меня перед ними. Я боюсь просить об этом кого бы то ни было другого, кроме вас. Это надо сделать тактично. Повторяю, что объективно я ничего не имею против переговоров Союза с фондистами относительно сборов, но вести их без моего ведома, это — бесполезный для Союза подлый поступок со мною, а через меня и с несколькими англичанами, виноватыми лишь в том, что мне верили.

Я написала Элеоноре просьбу представить письменную характеристику фондистов, но сама я, хоть зарежьте, не в состоянии слова о них сказать, пока не выяснится вопрос о *делегате* от Союза.

А я из двух источников несомненно знаю, что Союз получил посланные мною 107 фунтов. Знаю, что получил также мои упорные просьбы прислать квитанцию (одну напечатанную на их машинке строчку: «получили из Лондона столько-то, через такую-то. Подпись: Союз такой-то»)

и не присылают ее, а ведь это и вовсе не труднее и не рискованнее каких-нибудь «материалов», и далеко не все равно — раньше или позже будет получена такая квитанция. После 107 еще 15 фунтов послано, но притом еще не знаю, получены ли.

Я решила все-таки (не дожидаясь приезда в Швейцарию) попробовать писать (по просьбе «ушастых»). Мне ужасно надо бы иметь для этого те книжки «Вестника Евр.», где статьи Владимира Соловьева о нравственности и роман Бобор[ыкина], в котором выводятся марксисты. Я знаю, что вам и некогда, и нездоровы, и что с этой просьбой лучше обратиться к Блюменфельду. Пишу ее вам на тот случай, что, быть может, у вас есть эти №№ или нетрудно достать, или вам попадетесь на глаза Блюменфельд.

И не думала я на вас сердиться. Если не пишу без ваших писем, так не потому, что считаюсь, а нет охоты писать. Скверное настроение мешает просто болтать, а писать тоже нет охоты.

Ваша Вера.

60.

Лондон, 1897 г.

Дорогой Жорж, что я ни при каких условиях не могла бы командовать, да никогда и не командовала, это совершенно верно. Но при чем моя неспособность к команде в данном случае? Я не команду с себя складываю, а выхожу из повиновения, которое, впрочем, напустила на себя по недоразумению. Телеграмма в «Vorwärts» Бернштейну с сообщением о стачке кончалась фразой «передайте это Вере, — пусть действует или «собирается» что ли. Вероятно, «Коше[ня?】 эту фразу прибавила, и я приняла ее за петербургскую, как и все сообщение.

Насчет фондистов как там угодно, но что я не могу и не буду собирать, это несомненно, и это Союзу, мне кажется, знать надо.

Я вот так и дрожу, как бы меня не застала здесь новая стачка. Собирать-то я не стану, но письма о том, что я должна собирать, все же будут меня глубоко терзать.

Надо бы скорее ехать, а, с другой стороны, мне кажется, что надо прежде написать статью, и статья не пишется, и книг нет, и сердцебиение одолевает. — Вообще, хоть брось

человека — вроде «проклятущего» теленка Ивана Ермолаевича ¹⁾. Ну, и пушай, но из писанья мне, чтобы я собирала, все же никаких денег и кроме простого и совершенно бесполезного живодерства не выйдет. Не думайте, милый Жорж, что это письмо выражает какую-нибудь, — не знаю за что, — злость на вас. Вы — как вы. Обыкновенный Жорж.

Но я в отчаянном настроении, и если не такое, то никакого бы письма не написала: подождала бы недельку, другую, пока вы бы меня как-нибудь за язык дернули.

Ваша Вера.

61.

Лондон, 27 марта 1897 г.

Четверг

Милый Жорж!

В субботу [29-го] я, наконец, окончательно еду в Цюрих. Сейчас только кончила статью. Пустая, но, по болезни, она меня все же доводила до бешенства и непрерывного сердцебиения, так что от бешенства и никому на свете не отвечала, и всех перебесила против себя.

Хотелось бы прочесть статьи ваши, да боюсь опоздать, и уж мучат они меня, пока не уедете.

Итак, на той неделе я уже в Цюрихе буду.

Ваша Вера.

62.

Цюрих, 1897 г. (Конец марта или начало апреля.)

Милый Жорж, я, наконец, в Цюрихе. Вчера приехала в смутном еще состоянии. Вот бы хорошо кабы вы теперь приехали. Очень бы отлично. Павлы ²⁾ живут почти за городом, мне тоже нанимается комната в тех же местах. Приезжайте. В голове после окончания статьи пустошь, постепенно наполняемая сегодня с утра здешними (и прескверными) историями, так что и не знаю, радоваться ли, что вырвалась из Лондона. Пока все-таки рада, однако. Приезжайте.

Ваша Вера.

¹⁾ Из очерка Гл. И. Успенского «Крестьян. Труд».

²⁾ Т.-е. Павел Борисович с семейством.

Так как неизвестно даже, как меня назовут, то пишите (а лучше не пишите, а приезжайте, или — то и другое) пока на адрес Павла для Веры И. на внутреннем конверте. Погода яркая, лес близко.

Ваша Вера.

63.

Цюрих, апр. 1897 г.

Дорогой Жоржинька!

Павел посылает вам по телеграфу деньги на проезд сюда, где вы и напишете майский листок. Никакого редактирования от вас не требуется, а именно статья, из которой и будет состоять весь — не №, а именно листок. Россияне именно такие майские листки и выпускали из одной статьи одного автора. Такой и теперь требуется. Напишите очень маленькую, так ее наберем крупным шрифтом, на интерл[иниях] и с огромными полями, вот она и будет большая. Следовательно, дело в шляпе?

Революция против Гинзбурга. Он, основываясь на § 9 устава, гласящего, что «все сношения членов Союза ведутся через секретариат, а секретарь представляет администрации Союза отчеты об общем ходе дела», требует, чтобы попрежнему вся переписка (с Берлином и Россией) направлялась к нему, а он излагает Павлу желания и требования корреспондентов таким образом (перевирая), что вызывает непрерывные недоразумения. Кроме того, страшно затрудняет редактирование, держа у себя по целым полугодиям присылаемые корреспонденции и проч. Я теперь, взявшись окончательно за редактирование, написала ему, что письма мы должны получать в оригинале или в точных копиях, а корреспонденции должны немедленно доставляться сюда. Вот выдержки из его ответа: «Посылая не доклады, а выдержки из писем, я делаю больше, чем обязан по уставу». «Вы забываете затем, что на основании переговоров, я состою в редакции» и далее излагает что, «как было до сих пор с редактированием, так и впредь будет». «Я не нахожу ни нужным, ни возможным отступать от приобретенных мною прав». С тех пор, как я здесь, он в редактировании совсем ничего не делает, а только мешает. А Павел показывает и доказывает, что прежде была та

разница, что мешал он гораздо больше, чем теперь. А между тем, всем он старается внушить (берлинцам он «сознавался»), что фактически единственный редактор он, что Павел только так — как старичок для почета существует. Вот против этого-то и революция. Пока в том, что совсем к нему ни с чем не обращаться. В этом-то вы и можете помочь. А затем с'езд и изменение устава. Своим юпитеровским тоном в письмах он всем давно опротивел. Вы мне на предыдущие письма не отвечали, а не я... Ничего я не строчу (кроме подравнения слога инородческих корреспонденций) и думаю — не буду больше и топорщиться... Finis со мною. Не охотно вам пишу именно потому, что в глубине души я в отчаянном настроении (а на вид суетлива), но надоело жаловаться, ведь так ласково никто меня не пожалеет, чтобы мне от этого легче стало.

64.

(Цюрих, 1897 г.)

Дорогой Жорж, сейчас получила ваше письмо, Павлу еще не отдала, — чорт его поймает. Пишу от самой себя. Ну, на какого дьявола вы пишете, чтобы Павел разделял С[ергея] Н[иколаев.]¹⁾ в «предисловии»? Когда вы научитесь видеть людей, каковы они есть, а не каковы должны быть, но не есть? Ведь брошюра таким образом рискует выйти — дай бог — к осени. И все будут знать: он-то, мол, недели в 2 кончил, а над предисловием кряхтят месяцы!

Напрасно вы говорите, что я не оценила фразы о бумажном мяче [?]. Очень даже оценила и даже нахожу, что она прелесть, но если вы с Павлом будете копать с изданием брошюры, то этой прелести налицо не окажется.

65.

Цюрих.

Дорогой Жорж, будьте добры и немедленно же напишите мне, что знаете о Зайчике [?]. Где этот зверек и что

¹⁾ Прокопович.

с ним? Получила я от нее вскоре после вашего отъезда одно письмо, потом другое и на оба не ответила, так как в них было приставание поскорее [по]слать статью, а она не была готова. Когда, наконец, кончила, то послала заказным, но, не обозначивши отправителя, просила известить о получении. Прошло две недели, нет извещения. Написала опять ту же просьбу, и вот 5 дней нет ответа. Принимая во внимание любезность и аккуратность этой особы, я очень волнуюсь этим. Верно ее уже не было в Вех. [?]. Напишите, пожалуйста, коли что знаете. А статья в своем роде мне нравилась в последнем виде. Строчки божьей собаке (которая, бог даст, будет еще много, много кусаться и лаять во славу Божию), конечно, не понравились бы, но на то она собака «доминиканка». Поблагодарите за меня Сергея Николаевича за письмецо.

Крепко жму руку.

Ваша Вера.

66.

(Цюрих, 1897 г.)

Милый Жорж, мне очень хочется сделать вам всякое удовольствие, но пока не удастся. Павел обещал было найти Меринга, а на другой день прислал Соню сказать, что ему кажется, будто он эту книгу когда-то вам отослал. Раз он решил не искать, его уж не заставить найти. Зиммеля, которого я купила и деньги заплатила вперед, но из магазина на-грех принесли на его адрес, он мне так-таки и не отдал. Не ищет, да и все тут! Может, в самом деле она у вас в Женеве? А то я куплю, денег у меня не гораздо, но и стоит-то книжка, вероятно, пустяки. Насчет газет совсем не имею понятия, чтобы их можно было посылать. Журнала из читальни тоже нет возможности достать: они лежат месяц на столе, потом посылаются в Винтертур и пропадают. Но на стороне все же кое-что иногда можно достать. Напишите, какие вы не читали? Можно прислать вам (Надя теперь читает, но скоро кончит) янв., март и апр. за нынешний год «Русское Богатство», хотите?

Напишите же скорее насчет книг, хотите ли, чтобы Меринга купить и «Русское Богатство» прислать? А затем, каких еще журналов не читали? Будьте здоровы.

Ваша Вера.

От Зайчика [?] уж получила известие: все благополучно.

67.

Цюрих.

Дорогой Жорж, что-то вы молчите насчет того, купить ли Lessing's Legende и прислать ли три номера «Русск. Богат.»? Или за Рябову рассердились? Я ведь ее не трогаю, не хочу только с ней неискренно любезничать. У вас, вероятно, есть № сборника, который наконец «излезил». Прочла я в нем сегодня утром прилагаемую рецензию на «Борьбу» и пришла в величайшее огорчение, — пошла высказать его Павлу, ожидая, что он меня обругает, но оказалось, что он на эту рецензию (написанную Гинзбургом) не обратил внимания, а на-днях прочел «Борьбу» и хотя молчал, но чувствовал страшное раскаяние, так как она ничем такого отношения не заслужила. Он обрадовался моему протесту и предложил вырезать этот листок. Правда, придется с ней вместе вырезать и следующую хорошенькую рецензию (уж не вы ли ее написали? Не верится, чтобы Гинзбург!), но все же лучше, чем оставить эту пакость. Завтра мы это вырезанное предложим Гинзбургу, а Блюму написано, чтобы не распространял сборника. Можно ли, если они заупрямятся, сказать, что вы с нами согласны?

Не слышно ли чего о телячьем ¹⁾ приезде? Ведь был же как-то слух, а теперь не слышно. Вы спрашиваете меня, познакомилась ли я с Верочкой ²⁾? Нет, не идет у нас с нею сближение. Она мне очень нравится: чувствуется, что есть у нее что-то (кроме ежедневных пустяков и медицины) в душе, но что именно, не разберешь. Слишком скромное и застенчивое она творенье. С ней познакомиться разве случай

¹⁾ «Теленком» В. И. одно время величала П. Струве; следовательно, здесь она имеет в виду его приезд.

²⁾ Вера Павловна, дочь П. Б. Аксельрода. Л. Д.

какой поможет, а естественным путем это не сделается. Ее и Павел не знает. А ведь у них никаких строгостей и почтений не бывало. Как идут у вас разговоры с Сергеем Николаевичем? Сюда опять едут «тараканьи усы» [?].

Напишите, как ваша лихорадка, кашель. Зубы-то уж верно прошли, иначе вы бы их уже повывергивали.

Ваша Вера.

(Прилагаемая вырезка.)

2. «Борьба», Листок свободной печати, № 1. Март 1896 г.

В первой книжке «Работника», указывая на неясность программы «Народного Права», мы сочли нужным указать русским рабочим на необходимость отнестись с известной осторожностью к такого рода программам. Нет ни одного революционера теперь, который стал бы отрицать значение рабочего класса в борьбе за политическую свободу. Поэтому-то самые разнородные общественные деятели охотно об'являют себя «социалистами». «Нынче мы все социалисты», — сказал несколько лет тому назад один английский министр. Но рабочим от этих социалистов ни тепло, ни холодно. Им приходится бороться и отстаивать шаг за шагом свои интересы, свою жизнь, свое человеческое достоинство. Вот почему всякому, являющемуся к рабочим с медоточивыми речами на устах, приходится ответить: «Если вы социалист и демократ, пожалуйста в наши ряды, боритесь с нами каждый день, каждый час. Нас незачем звать на борьбу, ибо вся наша жизнь проходит в ней, и мы ее не боимся. Если же ваши симпатии на стороне другого класса, то идите к ним, попробуйте убедить их так же постоять за свои права, как мы отстаиваем свои. Во всяком случае, будьте спокойны: политическую свободу мы завоюем даже и без вас (Ложь! В. З.), ибо она есть первое условие нашего окончательного освобождения». Вот почему и по отношению к партии «Народного права» мы сочли нужным указать и на возможность рабочим идти *рядом* с этой партией в борьбе за политическую свободу, но отнюдь *не сливаться* с нею, не забывать различия, существующего между рабочим движением и просто борьбой за конституцию. Такое наше заявление огорчило очень многих либеральных людей. Это, конечно, очень жаль. Будучи противниками всякой излиш-

ней жестокости, мы желали бы не огорчать никого. К сожалению, уж так наш мир устроен, что того и гляди, кого-нибудь да огорчишь! Не имея возможности угодить всем, мы решили не обращать внимания даже на очень либеральных людей и служить лишь интересам русского рабочего движения. Поэтому, не боясь огорчить более кого бы то ни было, мы советуем русским рабочим отнестись с опаской к «Листку русской свободной печати». Это не значит, что мы советуем рабочим не читать «Борьбы», как, кажется, хотели нас понять все те же либеральные господа. Нет, читай, да на ус мотай, но знай, что хотя «Борьба» и *заигрывает* с рабочими, но делает она это *потому* («не мотивированное чтение в сердцах». В. З.), что «рабочие в этот год оказались единственным классом населения, который отстаивал свои права, защищая себя от посягательств на эти права и на уделенный ему русской экономической жизнью минимум экономического благополучия» (см. ст. «Стачки рабочих в 1895 году»). В действительности же, «Борьба» ставит себе задачей «объединение всех деятельных сил русской демократии для организации борьбы за политические права народа». Так вот мы думаем, что в этом *объединении* рабочим нечего делать, так как *демократический костюм*, который одевают на себя теперь все враги царизма, не помешает многим из них превратиться (Натансон и все народовольцы по тюрьмам и ссылкам находятся, а от превращения не гарантирует и знание марксизма. В. З.) в самых ярых врагов народа, когда царизм падет. Только организация пролетариата в особую партию с определенной программой может охранить русских рабочих от тех разочарований и *тех измен*, какие выпали на долю их германских, австрийских и французских братьев. История революции 1848 года представляет много поучительных страниц в этом отношении (говорящих, что одни рабочие освободиться не могут. В. З.).

Суббота ночью...

Дорогой Жорж, я вчера послала вам длинное письмо, а сегодня получила ваше. Сегодня же еще получила 2 ман-

дата из Петербурга и из Киева. Грейлих назначил мне на завтра свидание; что ему печатать относительно русской делегации? Я скажу, что пусть печатает: Гинзб. (Вильна), Павла (Киев) и вас (Петербург). Ну, вы не приедете, окажетесь больны, — что же за беда, что будет напечатано? Или лучше городов, откуда кто, пусть не печатает, а просто вас трех от России? Если не приедете, Павел Питер представит. Но, без вас, премерзкое будет представительство: Павел растерянный такой, Гинзбург, как и всегда, ходя спит. Сегодня приехала барышня (вероятно хороша, но, пока я в ней никакого — кроме деревянного — вкуса еще не разобрала); приняла я ее любезно и целый день провела с ней и с «тараканьими усами». «Усы» какие-то шелковые, расшелковые, всему, что ни скажу, с азартом поддакивает. Не знаю, обратили ли вы полное внимание на то, что России предстоит голод, не меньший 1891 года? Я стараюсь внушить, что с.-д. не должны в этом случае отделяться от тех, кто будет кормить, лечить и проч., а только усиленно все подчеркивать против правительства, что по отношению к голодающим стараются показывать, что мы, мол, слишком умны для сентиментальности (как народники), было бы, наоборот, доказательством глупости. Я действительно боюсь такого доказательства.

В «Н[ов.] С[лове]» есть статья (и прекрасная) о Белинском. Я получила июль «Н. С.» из Freiwald'a в Австрии. Адрес писан почерком Зайца. Напишите же, пожалуйста, что вы знаете о «теленке» и его хозяйке? За границей ли она тоже? Очень это мне любопытно.

Я в качестве редактора уже выше ушей завалена бездарнейшими рукописями.

69.

Цюрих, 1897 г.

Дорогой Жорж!

Тетушка ¹⁾ писала мне, что будет здесь 21-го. Коли что придумали еще ей сказать, пишите скорее. А что горы? Ганел[ин] прислал мне на них 200 франков, потом и сам заезжал. Мне показалось из его слов, что он послал горы

¹⁾ Алек. Мих. Калмыкова.

денег и вам с детьми и Райч[ину] ¹⁾. Но, может, я не поняла и по конфузливости в таких вопросах не решилась расспрашивать. А духота и вонь у меня последние дни отчаянные, и теперь во внутренней политике переमेжка, спорить, значит, не будем, так что горы как будто улыбаются мне. А? Вы, впрочем, что-то ужасно молчите. Я в старину имела привычку сердиться не сразу, а на другой день, или через неделю, теперь у меня это прошло. Неужели у вас началось? Уехали вы как будто добрым, а теперь как-то подозрительно молчите. Надя совсем поправляется. Ну, и доктора!

Здесь Конева теперь за ней ухаживает. По-моему, она, Конева, стала совсем нелепая, а Павлу кажется, что умна, и хочет ее рекомендовать тетушке. Я молю бога, чтобы тетушка приехала после отъезда Коневой. Образчик: Конева: «А Струве, знаете ли, совсем дурак!». Я: «Вот удивительно: он в статьях так хорошо притворяется умным, что еще ни один читатель не догадался, что он — дурак». Конева: «Ну, это в статьях, а я его сама видела: сейчас видно, что дурак. А что он писал?...».

Строга она, вообще, ужасно: кроме нее во всем Питере умных-то людей не бывало. И все трусы. Особенно марксисты. Такой у нее азартный вид, что так и кажется, сейчас всем пощечин надает. При этом толстая, здоровенная такая стала.

А я в «Русской Мысли» читала рецензию на «Личность в истории», вторая статья, — по выпискам — агитационная такая. Хоть бы прислали-то!

К прежнему списку (Переп[иска] Белинского, 2 тома Писарева и все по истории литературы что имеете) прибавляю еще «Герой нашего времени» Лермонтова.

Ганелин мне предлагал проект послать вам телеграмму с этим списком.

Напишите же.

Ваша Вера.

¹⁾ Близкий товарищ; ездил нелегально в Россию, был арестован и выслан административно в Сибирь, откуда бежал вновь за границу.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ.

Стр.

1. Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Предисловие к пятому изданию книги 3
2. К. Сивков. Действительные разногласия между группой «Освобождение Труда» и партией «Народная Воля» 21
3. И. Александров. Один из первых учителей Плеханова 36
4. Е. Игнатова. Московские народники конца 70-х годов 45
5. О. Е. Слободской. Мои отношения к группе «Освобождение Труда» 53
6. Л. Дейч. Из Карийских тетрадей 61

ПИСЬМА.

7. «Драгоманьяда». Письма В. Засулич, Драгоманова, П. Аксельрода. 72
8. Л. Дейч. Членам группы «Освобождение Труда» 91
9. Шмуйлов-Классен. Письмо к В. И. Засулич 144
10. Путман. Письмо к членам группы «Освобождение Труда» 149
11. В. И. Засулич. Письма к Г. В. Плеханову (продолжение) 152
12. К. Каутский и Г. В. Плеханов. Переписка 200
13. Г. В. Плеханов. Письмо к товарищам 231
14. Е. Смирнов. Письмо к Г. В. Плеханову 236
15. П. Б. Аксельрод. Письма к Л. Дейчу 239
16. П. Б. Аксельрод. Письма к В. И. Засулич 249

РАЗНОЕ.

17. Л. Дейч. Кто прав? Ответ проф. М. Н. Покровскому 255
18. С. Я. Вольфсон. Вокруг Плеханова. Плехановская литература за 1924 год 273
19. К. С. На могиле Плеханова 306
20. Розыски Плеханова 309
21. Извлечение из официальных донесений и показаний арестованных лиц с 1881 по 1900 г. 311
22. Из архива Г. В. Плеханова в Париже 325
23. Письмо в редакцию. (К биографии В. Н. Игнатова.) 327
24. Алфавитный указатель собственных имен 328

902